

Кто проглотил Иону?

**Адин Штейнзальц отвечает
на вопросы Михаила Горелика**

- В повествовании о творении мира говорится о создании "больших рыб". Во всяком случае, именно так написано в самом распространенном в России переводе - синодальном, но в оригинале рыб нет - там используется загадочное слово "танним". Переводчики ломают голову, о чем здесь идет речь. Судя по словоупотреблению в Библии, то ли чудища морские, то ли змеи, то ли драконы. А может быть, динозавры? А в современном иврите вообще крокодилы. Но уж никак не рыбы.

- Вопрос остается открытым. В начале века в Палестине жил один зоолог - Ахарони**. Он написал любопытные мемуары. В первую мировую войну его хотели призвать в армию. Он обратился лично к Кемаль-паше, и тот освободил его от призыва. Ахарони обещал паше составить коллекцию животных, обитающих на территории Османской империи. Паше идея понравилась. По-видимому, именно по заданию Ахарони был убит последний палестинский медведь - жертва зоологической науки. Ахарони сказал паше: "Вы властитель всех людей в этой стране, а я - зверей". Ну, как было такого человека поставить под ружье!

- В связи с чем вы его вспомнили?

- В связи с "танним". Он считал, что это обобщающее название для разнообразных животных. Он даже некоторых птиц включал в эту группу.

- А что говорят комментаторы?

- Комментаторы вовсе не озабочены соотношением текста с естественнонаучными представлениями. Есть такое мнение (и оно текстуально обосновано), что здесь говорится о левиафане. Это такой мифологический зверь, царь океана. Он неоднократно упоминается в Библии, о нем есть множество легенд в народном фольклоре.

- Значит, все-таки не динозавры.

- Слышу в вашем голосе сожаление. Так соблазнительно подвергать библейский текст под теорию происхождения видов. Нет, не динозавры. Рядом с левиафаном они мелковаты. Говорят, полгода Иордан должен течь - как раз ему на один глоток, может, и хватит.

- Ну, Иордан не Волга. Если левиафан, почему тогда множественное число***?

- Вс-вышний парочку сотворил: самца и самку, но самку пришлось убить, поскольку если бы они стали размножаться, так и всего мира бы им не хватило: уж больно велики. А самец погибнет в конце времен. Мясо этой пары будут вкушать праведники на эсхатологическом пире. Но мясо самки, конечно, вкуснее.

- Почему?

- Потому что с икрой.

- И в каком же морозильнике хранится ее мясо?

- С какой стати вас это вообще занимает? А же говорю: мясо левиафана - эксклюзивное удовольствие для праведников; нас с вами на этот пир определенно

не пригласят. Я тут как-то читал Зингера в английском переводе. Рассказ о еврейском мальчике, которому морочили голову и пытались убедить, что он уже в раю. И в подтверждение угостили мясом кита.

- Ну, понятно: переводчик попал в западню омонимии. "Левиафан" на идиш действительно "кит", но здесь-то имелся в виду очевидным образом левиафан.

- Простодушный переводчик полагал, что для его ремесла достаточно знать язык. Обычная история. Нет, надо знать еще кое-что. Хотя бы то, что кит - существо некашерное, и еврейский мальчик из традиционной среды не стал бы его есть даже в раю.

- Но ведь Зингера переводил Сол Беллоу. У него таких ляпов быть не должно.

- Это был не Беллоу.

- Я слышал, Зингер вообще не разрешал никому переводить свои произведения - только Беллоу. А кто хочет на прочие языки, пожалуйста, пусть пользуется английскими переводами Беллоу. Беллоу был для Зингера гарантией адекватности.

- Как видите, опасения Зингера оправдались.

- Мы начали разговор с того, что большая рыба вытеснила из текста левиафана (если только "танним" действительно левиафан), вы рассказали историю о том, как левиафана потеснил кит - естественно поговорить о рыбе, которая уступила в переводе

**Праведники подобны рыбам,
выброшенным на сушу, - наш мир не их стихия**

киту. Я говорю о ките, который глотает в синодальном переводе Иону. Но в оригинале-то рыба.

- Да, просто большая рыба.

- Оно и понятно: маленькой рыбе проглотить Иону было бы затруднительно. Мог бы карась проглотить Иону? Да ни за что!

- Вы считаете, большой рыбе было проще? Вообще многих интересует вопрос, как это Иона мог оказаться в рыбьем чреве. И в неповрежденном состоянии выйти. Вы случайно не знаете?

- Понятия не имею.

- Есть один старый немецкий анекдот. Ему уже лет двести. Ученик задает тот же вопрос, что и вы: "Господин учитель, как это Иона мог оказаться в рыбьем брюхе?"

- "Ты что, евреев не знаешь? Такой народ: куда хочешь пролезут". Как видите, господин учитель объяснил это чрезвычайное происшествие не анатомическими особенностями рыбы, а особенностями еврейского национального характера.

- Не больно-то Иона туда стремился. Инициативу проявила рыба, а вовсе не он.

- Кстати, в этой истории с Ионой и рыбой есть один интересный аспект, на который не все обращают внимание. Вс-вышний повелевает рыбе проглотить Иону****.

- Ну так что?

- А то, что это редчайший библейский эпизод, когда Вс-вышний обращается к животному. Вот, например, Валаамова ослица. Б-г не стал с ней разговаривать - послал ангела.

- Позвольте, но ведь и ангел с ней не разговаривал (о чем говорить с ослицей!) - только с ее хозяином.

- В нашем предании сохранились кое-какие уточняющие детали, в том числе и разговор, о котором Библия умалчивает.

- А есть еще примеры обращения Вс-вышнего к животным?

- Есть. В самом начале Библии Он говорит со змеем****. Знаете, что общего у рыб и у змей?

- ?

- У них нет век. Глаза у них всегда открыты. На эту особенность рыб обращается внимание в кабале. Вообще там много чего сказано о рыбах. Праведники уподобляются рыбам: они, как рыбы, выброшенные на сушу. Они всю жизнь проводят не в естественной им стихии и обретают ее только после смерти.

* "Брейшит", 1:21.

** Израиль Ахарони (1882-1946) - натуралист и зоолог, хранитель зоологического музея в Иерусалиме.

*** В слове "танним" (ивр.) "им" - окончание множественного числа.

**** "И повелел Г-сподь большой рыбе..." (Иона, 2:1).

***** "И сказал Г-сподь Б-гу змею..." ("Брейшит", 3:14).

**Программа заочного еврейского образования «Лимудим»
по эксклюзивной методике Института изучения иудаизма
под руководством раввина А. Штейнзальца**

Курсы академического уровня, учеба в индивидуальном темпе:

- "Тора - имена и судьбы"
- "Пророки о падении и возрождении Иерусалима"
- "Агада в Вавилонском Талмуде"
- "От Иешоуа до Шломо"

Всем принятым на учебу высылаются учебные пособия, разработанные институтом, а также предоставляется всем желающим широкий выбор учебных материалов на нашем сайте: www.judaicaru.org
Институт изучения иудаизма в СНГ Москва 109240 а/я 44
Телефон: (095) 9153165, факс: (095) 9153161 e-mail: lamed@judaicaru.org

Судьбы, опаленные войной

Савелий Хенкин - известный врач, более тридцати лет возглавлявший урологическое отделение Республиканской больницы, организатор урологической службы Карелии, заслуженный врач РСФСР, заслуженный врач КАССР, член правления религиозной общины.

Сегодня он рассказывает о себе и своем военном прошлом.

Родился я в Смоленске, хотя вся моя родня по материнской линии из еврейского местечка Рудня, что под Смоленском. Почти каждое лето вся наша большая семья собиралась там. Дед - из николаевских солдат, кузнец, прослужил лет 20, был очень набожный, соблюдал все еврейские законы. Поразительно, что он смог сохранить в себе это, пройдя через русскую армию. Демобилизовавшись, возглавлял хевра кадиша - похоронное братство. Мой папа - портной. Был мобилизован в армию в 13-м году, с первых дней войны был в Брусиловской армии. На фронте получил отравление газом. Еврей-фельдшер, Георгиевский кавалер. В Смоленске папа работал у своего дяди - у них была совместная мастерская. В доме всем руководила бабушка, у нее было 13 детей, и весь дом был на ней. Деду было некогда - он молился. (Первые деньги, которые я получил в училище, я послал именно бабушке.) Дети стали подрастать, и моя мама помогала их воспитывать. Она была портничкой-беловшивкой. Шила на дому - ее приглашали на несколько дней, она там жила и шила. Мама всю жизнь много помогала своим братьям и сестрам. Дома у нас тоже главой была мама, папа только добывал деньги, а все остальное - на маме. Когда дядю раскулачили - при нем он взял в аренду яблоневый сад - так именно мама в Москву поехала к Калининну хлопотать за него.

Когда в 1932 году в Смоленске начался голод, мы переехали в Ленинград - там жила папина сестра, моя тетя, и все разместились в ее большой комнате на углу Литейного и Некрасова. Уже позже мама купила маленькую комнатку в 13 метров у спившегося хозяина (как оказалось, он был из князей Милославских), потом менялись несколько раз, и перед войной у нас была большая в 45 метров, с четырьмя окнами комната на ул. Калаяева (Захарьевская), отделанная мореным дубом. Там раньше было пограничное управление, и это, очевидно, был чей-то кабинет. Отсюда я и ушел на фронт.

- Как это произошло?

Я окончил десятилетку. Накануне начала войны, 21 июня, у нас был выпускной вечер. Был очень хороший светлый день, все пошли гулять на Неву. Часа в 3 ночи мы увидели, что по Неве идут подлодки к стороне Ладоги, но не придали этому значения. Я лег спать, встал поздно, часов в 12. Слышу - мама плачет. Война! Хотя тогда все думали, что это ненадолго: мы же Германию... Паники в городе не было. Я с мальчишками побегал в военкомат, нас оттуда выгнали - не до вас: мы тут сейчас с пятидесятилетним разбираемся. Над Ленинградом появились аэропланы. Начали приходить повести. Через два дня пришла повестка и нам: сдать транспортное средство - велосипед.

У меня с детства была тяга к медицине, думал учиться в военно-медицинской академии. Но там тогда набора не было. Мне посоветовали пойти в военно-медицинское училище, которое располагалось напротив Витебского вокзала, где готовили фельдшеров. Я показал аттестат, прошел военную комиссию, и меня приняли. Тут приказ Ворошилова: "Ленинград в опасности, ни шагу назад!" Был июль месяц, числа 12-го нас поднимают по тревоге, и посылают под Пулковко копать окопы, других - под Лугу. Мы тогда еще не исполнилось восемнадцати лет. Копали мы дней 5-6. Начались бомбежки. Привезли обратно в училище, и в конце июля приказ: все училища из Ленинграда эвакуировать. На Финляндском вокзале нас погрузили в теплушки и повезли куда-то в сторону Тихвина. Куда точно - мы не знали. Кругом уже бомбили, но в наш шезлонг попадания не было. Недели две мы тащились, пропуская шезлоны, шедшие на фронт, и оказались в Омске. Город тыловой. Там было медицинское училище, на базе которого расположились несколько эвакуированных училищ, одно из них - Первое ленинградское медицинское училище, где я и учился. Кормили так: утром каша перловая, вечером каша овсяная и хлебная пайка. Проучились восемь месяцев вместо трех с половиной лет. Нам смогли дать только самые необходимые, элементарные знания: как оказать первую помощь, наложить жгут, развернуть медпункт и пр. В марте 42-го состоялся выпуск.

Меня спросили, на какой фронт хочу. Я ответил: "На Ленинградский". Направили на западный фронт, в штаб фронта в Москву. Там уже нас начали раскидывать по армиям. Мне предложили остаться в госпитале, где был сортировочный пункт. Но я отказался, сказав, что хочу на фронт. Нас человек восемь, послали в 20-ю армию под Волоколамск. Первоначально она стояла на границе, отступала, дошла до Вязьмы, была разбита, перемформирована, и оказалась под Москвой. Командовал армией генерал Крейзер.

Туда я и прибыл, и меня отправили в 8-й гвардейский корпус, в 150-ю бригаду, которой командовал генерал Рохлин. (Она потом вошла в дивизию, бравшую Рейхстаг, но я был уже в другой части.) Попал в минометный полк командиром санитарного взвода. Я - старший фельдшер, два санинструктора, две медсестры и санитарка.

Тогда готовилось наступление на Ржев. Мы были в блиндаже с несколькими офицерами. И вдруг снаряд прямо в наш блиндаж. Я не помню ничего. Нас откопали, несколько человек погибли. Когда

Хенкин Савелий Хонанович

меня доставили, мне показалось, что был очень яркий свет, и цвета какие-то невероятные! У меня отнялась речь, постоянно шумело в ушах, ночи не спал... Контузия. Хотели эвакуировать, но я отказался. Отправили в Москву на консультацию. Пробыв недолго, предложили "спустить", но я опять отказался. Немного подлечили и отправили обратно в ту же часть. Я не мог говорить месяца три. Со временем постепенно речь стала восстанавливаться, но до сих пор, стоит немного поволноваться, как появляется спазм, и я не могу сказать ни слова.

Потом началось большое наступление на Ржев. Там были тяжелые бои, очень много раненых. На одном участке на реке Вазузе стоял монастырь Хлепень. Немцы свой высокий берег облили водой, и все превратилось в сплошной лед. А приказ: "Наступать!" Мы месяц не могли ничего сделать. Тогда прислали батальон штрафников. Им сказали: "Возьмете Хлепень - всех подчистую". Среди них процентов пятьдесят были уже в возрасте: бывшие военные, полковники, один генерал был, много евреев из политработников и т.д. - одним словом - политические. Подослали "Катюши", и взяли! А у многих даже автоматов не было, с винтовками старыми шли. Немцы бомбили по-страшному. Реки крови. Сколько там осталось навсегда! Как меня там не убило? Наверное, судьба.

(Вообще, об отношении к жизни солдатским во время войны сейчас много написано. Что стоит, например, крылатая фраза: "Оружие добудете в бою!" Я помню, как после Ржева нас отправили на пополнение. Пополнили тамжисками, а они по-русски не понимают. Когда спросили командира, как же они будут воевать, тот ответил: "Ничего, лишнюю пулю задержат!")

- Вы верите в судьбу?

Конечно! Ведь сколько было случаев, когда, казалось, невозможно уцелеть. Но, вопреки всякой логике, жив! Например, шел с передовой, стемнело. И вдруг прямо над головой вой, и шлеп рядом - мина! И вертеться... Я как стоял, так и остался стоять, смотрю как завороженный. Она повертелась, повертелась, но не разорвалась. Я подошел, пощупал - еще горячая...

В другой раз сижу, пишу письмо маме (ее эвакуировали по Ладоге в Башкирию). А у меня была двуколка, чтобы раненых вывозить, лошадь, медикаменты всякие. Падает снаряд, и я чувствую, что весь мокрый, пахнет лекарствами. Оглянулся - вокруг кровь, лошадь убитая, все разворочено, а меня даже не задело...

Однажды звонит командир: "Сообщили из разведоткры: разведчик ранен, лежит на нейтралке. Его вынести надо". "Есть!" Спробовал только: "Какие ориентиры?" А мне: "Иди, сам найдешь". Пополз по минному полю. Дополз, а у него очень редкое ранение в шею. Обычно от этого погибают, а он дышит и клокочет кровью. Нас в училище этому не учили. Я беру пакеты, перевязал через подмышку. (Очень часто приходилось принимать решения тут же, на месте, и решения неординарные.) Таскал я его шесть часов. Лег набок, положил его на одну ногу и так подтягивал. Но главное - надо было его вытащить вместе с оружием! Оружие ни в коем случае бросать нельзя было, любой ценой, даже ценой жизни! А поле минировано. Как на эти мины не напал, не знаю. Каким-то чудом, я о них даже не думал - мне надо было вынести раненого. Дальше уже отправили его на собачьей упряжке, типа детских саночек. Я даже фамилию его запомнил - Петухов...

Одну девушку спас, у нее было тяжелое ранение в живот. Также с нейтралки. Вытащил я с поля боя 37 раненых! Все это под огнем, и каждый раз - особый случай, своя маленькая история...

Или под Шяляем (это уже Первый прибалтийский фронт), там тоже шли тяжелые бои, два раза брали. И оказалось, что наши части ушли вперед, а те, которые не успели переместиться, остались на местах, среди них и наш минометный полк. А немцы неожиданно разгрузились совсем рядом. Нам приказ: "Ни шагу назад!" Вырыли окопчики. Сидим в них, и у нас мина противотанковая на веревке метров за пять от себя. Нас научили: "Видишь, танк идет - и ты подтягиваешь эту мину под танк". Что от тебя после этого останется - всем понятно. Мы уже все попросились друг с другом. Но подоспела наша дивизия, и они префронт через наши головы пошли...

- Вот тут Ваши награды...

Да, я награжден орденом Отечественной войны второй степени, медалями За взятие Кенигсберга, За боевые заслуги. За победу над Германией, есть и другие награды, был представлен к ордену Красного Знамени. Однажды после боя, когда из минометного полка осталось человек пятнадцать, нас всех построили: надо решить: или всех к награде, или в партию? Ну, понятно, в партию!

- А медаль За взятие Кенигсберга...

Да, после Литвы, мы повернули на Кенигсберг.

Ко мне подошла девушка: "Вы сейчас наступате на Таураге. Там у меня дедушка был раввином. Прихожане отдали ему все свои ценности, он спрятал и сказал, что тот, кто останется живым, пусть заберет. Я нарисуя вам место, где это все спрятано". Я отказался, сам не знал, где буду. Когда освободили город, появилось местное население. Многие были в концлагерях, кого-то прятали литовцы. Я сам видел несколько еврейских семей, которых литовцы спасли. "Воровали" их из Вильнюсского гетто и по скендам передавали.

Подошли к реке Прегель. Надо было переправляться. Уже была ранняя весна. На мне шуба, сумка, автомат, за спиной шины (для накладки при переломах). Мы, несколько человек, сколотили из выброшенных шкафов плот и стали переправляться. Но неважно разорвалась мина, поднявшая большую волну, и мы все оказались в ледяной воде. Не всем удалось выплыть... С нами был минаер, причем ему было уже под пятьдесят, так у него на спине была "плита" от миномета (оружие бросать нельзя!), это килограммов восемьдесят. Когда мы выбрались на берег, я решил, что он погиб, но он выплыл вместе с этой плитой!!

Первая атака на Кенигсберг захлебнулась. Через месяц второе наступление.

За это время сменились командующие: сначала был генерал армии Черняховский (он погиб, и сейчас там город Черняховск), затем генерал армии Баграмян, потом - маршал Василевский, и на самый штурм уже назначили маршала Жукова.

Кенигсберг - город-крепость. Сооружения построены еще в конце XIX века, целая система фортов, с подземными переходами, связывающими их все в единую систему. Считались непреступными. И действительно, когда уже взяли, было непонятно, как это удалось. Каждый форт, кроме надземной части, имел еще несколько этажей подземных, многие окружены реками, наполненными водой. Расположены таким образом, что простреливалось все вокруг. И все же, взяли. Пятнадцать человек получили звание Героев.

Когда взяли крепость, больших боев уже не было. (Подземный бункер, где была подписана капитуляция, находится в центре города и сейчас в нем музей.) Там для нас окончилась война 25 апреля. Сказали, что в городе все отравлено, ничего там не есть, не пить. Под расписку: если рядовой что-нибудь съест, то расстреляют командира. Но потом выяснилось, когда командант сдался в плен, что действительно, был такой приказ, но его не выполнили. И тут началось попойка, мародерство, насилие. Начальство начало вывозить машины барахло. Нам тоже разрешили отправить одну посылку. Я отправил домой немецкое мыло пополам с глиной, консервы, которые нам давали.

Закончилась война. Нестроевых и тех, кто старше 50 лет отправили в резерв, часть - на войну с Японией. Нас послали в Литву - ловить "лесных братьев". Они хорошо были подготовлены для партизанской войны. Много жертв было. Так что я еще год воевал после войны.

- Окончилась война. Что дальше?

Что дальше? Я - старший лейтенант (уже много позже имел звание подполковника медицинской службы), кадровый военный. Подал рапорт на учебу в Академию. Сдал одиннадцать экзаменов, прошел все медицинские комиссии, признали годным. Но меня вызывают и сообщают, что повторная заочная комиссия забраковала. Тогда прошу уволить из армии, но мне говорят, что я еще могу служить. "Как же так - учиться не могу, а служить могу?" "Не разговаривать! Кругом!"

Со мной вместе поступал Герой Советского Союза, еврей (завыл фамилию). Подружился. Он сказал: "Пришел приказ евреям не принимать, всех вуд назад отправляют. Я-то поступлю, но я один. Увольняться тебе надо. Начальник отдела кадров медицинской службы армии генерал Волынский сейчас навеселе, ты подойди к нему, а я его подготовлю". Я - к нему. Тот: "Чего хочешь?" "Хочу уволиться и учиться". "Приходи завтра". Прихожу завтра, а он: "Кто такой?" Не помнит. Я объяснил. "Ну, ладно, я уже опохмелюсь, добрый. Пиши бумагу". И подписали: "Удовлетворить. Волынский".

А уже октябрь месяц, учеба идет. Поехал в Первый медицинский институт. К счастью, директор института был в отпуске, а вместо него профессор Хвелевичая (психиатр), еврейка. Я ей все объяснил, показал бумагу с экзаменационными отметками. "А что, не взяли еврея? Ха, ха, ха!" Тут же написала: "Принять". Вызвала декана, а та тоже еврейка. Посмеялась. Так я поступил в институт. Начал учиться. Учился хорошо, висел на Доске почета, был председателем профкома института...

Но это уже другая история.

Записал Дмитрий Цвибель

Шолом-Алейхем «Тевье-молочник»

Великие книги Шолом-Алейхема: "Менахем-Мендл", "Тевье-молочник", "Мальчик Мотл", "Железнодорожные рассказы". Кто-то скажет: "А что, до Шолом-Алейхема никого и ничего не было?" Был его замечательный предшественник, которого Шолом-Алейхем называл дедушкой еврейской литературы. Это Менделе Мойхер-Сфорим. А еще был Ицхак-Лейбуш Перец. Они были его, Шолом-Алейхема, старшими современниками. Были и после Шолом-Алейхема замечательные писатели, особенно поэты. И все равно: великие книги Шолом-Алейхема. Даже такая горькая и страшная, как роман "Кровавая шутка", который писался во время процесса Менделя Бейлса. Эту книгу жизнь заставила написать. Главное оружие Шолом-Алейхема - неподражаемый, многоветный, далеко не очень радостный народный еврейский смех - здесь занимает небольшое место.

В советские годы эта книга почти не издавалась. Отец мой ее читал, понятно, в оригинале, еще до революции и пересказывал мне ее поразительный замысел и один эпизод. Был два друга с гимназических лет: русский молодой человек из дворян и еврейский парень. И, как водится, еврей жаловался другу как трудно быть евреем из "черты оседлости", без права жительства за пределами этой самой черты. А его интеллигентный друг бросает что-то вроде того, что ты, еврей, всегда жалуешься... Тогда рождается идея: поменяться судьбой, то есть документами. И вот русский интеллигентный молодой человек по документам становится евреем. А еврейские родственники диву даются: что это за парень, который не знает ни слова по-еврейски. И куда, мол, смотрели его родители... И в досаде при нем восклицают: "Шлимазл!". А молодой человек встревожено спрашивает: "Что, опять надо мазать?" В слове "шлимазл" он слышал только слово "мазать", то есть необходимость дать кому-то взятку в полиции, так как нет права жительства. Да, "Кровавая шутка" только отдельными эпизодами напоминает Шолом-Алейхема, великого мастера смеха - смеха часто сквозь слезы.

Вот я назвал всего несколько книг великих у Шолом-Алейхема. А у него так много прекрасных книг: и ранние - "Степлено" и "Иоселе-соловей", и поздние - "Блуждающие звезды". Последняя очень популярна у читателей. А первый, сделавший писателя популярным рассказ "Ножик" - А крохотный роман о полудетской любви "Песнь песней"? А рассказ "Заколдованный портной", который вместе с еврейской народной фантазией, быть может, породил замечательный мир Марка Шагала?.. А блестящая комедия "Крупный выигрыш"? А незабываемое биографическое повествование "С ярмарки"? И все это вещи не просто хорошие, не просто талантливые, но - превосходные. И все равно: самые главные, самые великие книги Шолом-Алейхема, конечно, его ни с чем не сравнимые книги-монологи, о которых главным образом я и буду писать.

Обращусь я не ко всем великим книгам Шолом-Алейхема, а, быть может, к самой великой - к "Тевье-молочнику".

Кто-то скажет: "Ну что тут великого?..". И в самом деле, живет где-то на Украине в конце XIX и начале XX века бедняк еврей (подумаешь, какая редкость...) и бедствует... О таких говорят: "эр лигт ин дер эрд (мой отец произносил слитно: д'эрд) ун бакт Бэигл". В буквальном переводе звучит так: "Он лежит в земле и печет бублики..."

Тевье - еще не молочник - возит бревна из леса к ближайшей железнодорожной станции. Однажды, возвращаясь порожняком, он встречает двух заблудившихся в лесу женщин из курортного местечка Бойберик. В названии этого местечка легко узнается дачная Боржак, что под Киевом. Да и в большом городе Елупце, где живут эти богатые отдыхающие, тоже легко узнается Киев.

Если в двух словах, то надо только сказать, что эти богатые люди, к которым Тевье привез заблудившихся женщин, по понятиям Тевье озолотили его, то есть дали ему немного денег и корову. Правда, часть денег пропала, так как простодушный и доверчивый Тевье поддался чары этого вечного "человека воздуха" Менахем-Мендла. Да, этот герой из одноименной книги забредает и в эту книгу - в "Тевье-молочника".

И, несмотря на все передряги, Тевье теперь становится молочником, то есть у него две коровы.

Жена Годда доит коров, а многочисленные (их - семь!) дочери водятся с крынками, делают сыр, масло и сметану, а сам Тевье на тележке с не очень шустрым коньком развозит "продукцию" на рынок и в дачный Бойберик.

Стараясь поскорее познакомиться с Тевье, я несколько забежал вперед. Хочу познакомить вас с особенностью этой книги и ее, что ли, строением. Дело в том, что все главные (читайте: великие) книги Шолом-Алейхема построены как монологи, монологи героев. Автор словно бы отсутствует. Все главы "Тевье-молочника", кроме первой, - это рассказы самого Тевье автору - писателю и обычно начинаются так: "реб Шолом-Алейхем" или "пане Шолом-Алейхем". А первая, которую я как бы пропустил и которая была написана и опубликована в 1895 году, представляет из себя письмо Тевье к автору. И у этого письма есть забавный постскриптум. Тевье простодушно пишет Шолом-Алейхему о том, что если выйдет книжечка, и он захочет выслать немного денег Тевье, то чтобы послал в деревню Анатовку; и дальше еврейскими буквами написаны русские слова: "Передать господину Тевлею, молочного еврей"...

Вторая глава, с которой я начал, "Большой выигрыш" (переводит это название обычно так: "Счастье привалило") тоже появилась в 1895 году. Глава "Химера", повествующая о злополучной встрече с дальним родственником Менахем-Мендлом, написана в 1899 году. И так в течение двадцати лет будет писаться с небольшими перерывами не только эта книга, а главные книги-монологи, создававшиеся параллельно с этой: "Менахем-Мендл", "Мальчик Мотл", "Железнодорожные рассказы". Это особенность работы писателя, особенность его дарования.

Перендем к следующей главе, написанной все в том же 1899 году и называющейся "Нынешние дети", а хотелось бы назвать ее "Цейтл и Мотл Камзол"... Драматические события, о которых рассказывает Тевье писателю, начались с того, что грубому, невежественному и богатому мяснику и вдовцу Лейзер-Вульф приглянулась старшая дочь Тевье, Цейтл. Комизм первой встречи складывается из того, что этот мясник заулыбаванно сватается, а Тевье думает, что тот хочет у него подешевле купить корову... И тут же Тевье потешается над невежественным мясником и выдает ему набор нелепых слов под видом цитаты из Талмуда: "Чтоб ты так с носом был, живодер, как что-нибудь похожее где-нибудь сказано! И слов-то таких на свете нет..." Тут стоит вспомнить, как Тевье, простой и мудрый человек, относится к людям. Вот его слова: "Люблю, понимаешь, человека, с которым можно словом перекинуться - иной раз изречением, другой раз - притчей, рассуждением о разных материях, - то да се, пятое, десятое... Таков уж Тевье". Это ведь давняя народная традиция благоговения перед Книгой и давняя привычка нефанатического, пылкого, самостоятельного "рассуждения о разных высоких материях". И несколькими страницами дальше Тевье как бы продолжает: "... терпеть не могу невежд!.. Можете ходить без шапки, хоть головой вниз, ногами вверх, но если вы знаете толк в Раши, то вы для меня свой человек. Таков уж Тевье".

А события идут своим чередом. Добрая душа, Тевье узнает, что его дочь Цейтл и бедный портняжка Мотл Камзол любят друг друга. "Да, но как быть с моей старухой?" - думает Тевье. Вот ее, Годды, слова: "В нашей семье имеются меламеды, канторы, синагогальные служки, могильщики, просто нищие, но ни портных, упаси Б-же, ни сапожников..."

Но Тевье есть Тевье, и он великолепный "сон" придумал и блестяще режиссерски и актерски это воплотил... Когда в полночь уже все спали, Тевье, якобы со сна, не своим голосом закричал: "Гвалт! Гвалт! Гвалт!" И "разбуженный" перепуганной женой Годдой, Тевье рассказал, что тут, около кровати только что стояла Фрума-Сора, покойная жена мясника и душила его, Тевье. А потом, мол, появилась бабушка Годды Цейтл и сказала, что она довольна, что их дочь, названная в ее честь выходит замуж за порядочного жениха, которого зовут Мотл Камзол... А в конце этой истории Тевье так заканчивает свое исповедь: "Словом, что тут рассказывать? Я в ту ночь был крепче железа, если не лопнул со смеху, лежа под одеялом..."

А впереди много печального и горького в жизни Тевье и его близких. Другая дочь Тевье Годда (глава так и называется, и написана она уже в 1904 году) выходит замуж за революционера Перчика, фамилию которого Тевье шутя переводит на идиш: Феферл... После венчания Перчик должен куда-то спешно ехать, скрываться. Затем арест, тюрьма и ссылка далеко-далеко, наверно, в Сибирь. И Годд едет за ним в Сибирь. Тевье не может понять, как же это можно чуть ли не навсегда оставить "татэ-мамэ". Говорю я это полушутя, полусердито, а сердце у меня плачет. Но Тевье - не баба ("тнт кени идиэнэ"). Тевье сдерживается". И Тевье, конечно, приводит своей дочери Годд притчу: "...курица, высидела утят. Утята только встали на ноги, побежали к речке - и в воду, а наседка, бедная, вквохчет.

- Что ты, - говорю, - на это скажешь, доченька? - Что же мне сказать? - говорит она. - Наседку, конечно, жалко. Но неужели же из-за того, что она вквохчет, утятам не плавать?

Понимаете, какой разговор? Дочь Тевье не говорит впустую...

Я слышал в записи понятно, как вел этот диалог великий Соломон Михоэлс. И перепел, когда бы я ни перечитывал это место, мне слышится глубокий трагический голос Михоэлса...

А впереди много печального и бедственного в жизни Тевье и его семьи. Дочь Хава крестится и выходит замуж за писаря Федора Галагана. Можно представить, как все это пережил Тевье. Он запретил даже упоминать имя ее. Когда он встретил ее на лесной дороге и когда она окликнула его, он, словно не заметя ее, проехал мимо. Он не мог ей, Хаве, простить, что, когда умерла Годда, жена, то Хава не пришла даже на похороны матери. Это все - в главе "Хавэ", написанной в 1906 году. А в следующем году появится глава "Шпринца", где Тевье рассказывает о несчастной любви другого дочери. Тевье спрашивает у Шолом-Алейхема, видел ли он когда-нибудь утопленников. У них глаза открытые...

Так получилось, что самая младшая дочь Тевье Бейлка была выдана за богатого подрядчика со странной фамилией Педоур. Когда я стал внимательно читать Тору, то обнаружил там и такое имя - Педоур. Этому богачу, видите ли, стало неудобно, что у него тесть всего только молочник. У него, понимаете ли, в доме бывает сам Бродский... И придумал этот тип, чтобы Тевье поехал в Палестину. Об этом и о многом другом Тевье рассказывает в поезде встреченному реб Шолом-Алейхему. Это уже глава "Тевье едет в Эрец-Исраэль", написанная в 1909 году.

Тевье всю жизнь прожил не в местечке, не в Касрилово, а в украинском селе. Как то сидел он под вечер на скамейке у своего двора и увидел вдали всадника на белом коне и размечтался Тевье: может быть, это Машина едет спасать евреев... А это был урядник, который, выполняя приказ царского правительства, потребовал, чтобы Тевье покинул село и переехал в местечко. И это самые волнующие страницы последней главы "Лх-лэхо!" Эти древнееврейские слова переводятся как "Изыди". Их сказал Б-г Аврааму.

Старшая дочь Цейтл говорит Тевье, что здесь Хава: "... она себе сказала, что выселяют всех нас, то есть и ее тоже. Где мы, - так мне сама Хава сказала, - там и она будет. Наше изгнание - ее изгнание... И вот даже ее уезз здесь..." И тут входит Хава и "простирает ко мне обе руки и только одно слово может выговорить, одно-единственное слово и едва слышно: - Татэ!.."

Глава "Лх-лэхо" появилась в 1914 году - в год начала первой мировой войны.

Обычный человек Тевье, обычная жизнь и судьба его и его близких. Вот и все? Нет. Сквозь обычность и обыденность проступают судьба, мудрость, большие беды и крохотные радости целого народа. Да, небольшая книга "Тевье-молочник" - это, по своему, эпос еврейской жизни. И сам Тевье - это целый мир. Наверно, не случайно выбрано Шолом-Алейхемом и его имя: ведь одно из значений древнееврейского слова "тэвэль" - мир, вселенная...

Иосиф Гин

(Продолжение следует.)

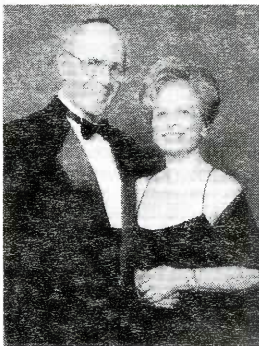
За выдающийся вклад в дело возрождения и развития еврейской общины

ЭЛВИН КОРЕНБЛУМ и РОННИ КОРЕНБЛУМ (ALVIN CORENBLUM & RONNI CORENBLUM)

избраны

ПОЧЕТНЫМИ ЧЛЕНАМИ ПЕТРОЗАВОДСКОЙ ЕВРЕЙСКОЙ РЕЛИГИОЗНОЙ ОБЩИНЫ

Редакция газеты поздравляет наших друзей и желает им здоровья, радости, света, удачи.

В Державинском лицее города Петрозаводска прошел вечер, посвященный 60-летию освобождения Освенцима. На этот вечер собрались учащиеся лицея, Школы искусств №1, школы №4 - участники программы Межрегионального фонда "Холокост". Уже два года они занимаются изучением феномена Холокоста. Ведут исследовательскую и просветительскую работу под руководством своего наставника - преподавателя истории Валерия Иванова. В одном из классов размещена постоянно действующая фотовыставка, прослеживающая становление фашизма, путь от угроз в адрес евреев до попытки истребления целого народа. На вечер был приглашен Семен Бекенштейн, бывший два года узником Освенцима, который выступил с рассказом о своей судьбе и ответил на многочисленные вопросы молодежи.

На доме, где жил Леопольд Яковлевич Теплицкий, известный композитор, дирижер и педагог, установлена мемориальная доска. Его имя связано с созданием в Ленинграде в 1927 году первого в СССР концертного джаз-бэнда под его управлением. Был репрессирован, после чего так и остался в Карелии. Здесь он прожил яркую творческую жизнь - участвовал в организации Союза композиторов Карелии, симфонического оркестра, главным дирижером которого был долгие годы, писал музыку, вел педагогическую деятельность. В прошлом году в Петрозаводске прошел, уже ставший традиционным, XIII международный фестиваль джазовой музыки "Звезды и мы", с 2002 года носящий имя Леопольда Теплицкого.

Молодежный клуб принял у себя гостей из Тюбингена - Зильке Такас (Silke Takacs), которая находится в Петрозаводске по программе обмена учащимися между городами-побратимами. В течение трех месяцев она будет изучать русский язык. Родители Зильке являются активными членами общины Дитрих-Бонхоффер - нашими давними друзьями. Молодежь быстро нашла общий язык, появились идеи совместных программ нашего молодежного клуба с молодежью Тюбингена. Это позволяет надеяться на расширение деятельности нашей общины, на то, что и молодежь включится в процесс налаживания дружеских связей между нашими народами, нашими общинами, нашими странами, развивая идеи толерантности, так необходимые в нашем беспокойном мире.

Состоялся семинар по теме "Аспекты духовно-нравственного воспитания в Республике Карелия", организованный Институтом повышения квалификации работников образования. Речь шла о месте религии в современном мире, о воспитании толерантного сознания. Выступали представители православной церкви, евангелическо-лютеранской, муфтий Карелии, атеист, преподаватель университета. В своем выступлении председатель еврейской религиозной общины Дмитрий Цвибель обратил внимание присутствующих на то, что в своих выступлениях никто даже не упомянул иудаизм среди перечисляемых религий и религиозных направлений, хотя были названы даже весьма экзотические, включая последователей Муна, и предложил серьезно задуматься над этим фактом. Далее Д.Цвибель рассказал о деятельности общины, молодежного клуба, воскресной школы, ответил на многочисленные вопросы.

Религиозная община скорбит о кончине
СИМЫ ГЕРШЕВНЫ ЧЕРНЯКОВОЙ
זיכרונה לברכה

Наша кухня

Һоменташи

Мука 2 1/2 стакана, вода 1 1/4 стакана, масло сливочное 100 г, сахар 2 ст. ложки, яйцо 1/2 шт., дрожжи 5 г, соль 1 ч. ложка, шафран 0,1 г. Начинка: мак 150 г, сахар 1/2 стакана, изюм 1 1/2 ст. ложки, мед 100 г.

В кастрюлю наливают воду или молоко, всыпают сахар и соль. Помешивая жидкость, слегка ее нагревают. Затем, продолжая размешивать, добавляют настой шафрана, дрожжи, всыпают просеянную муку и замешивают некрутое тесто. В подошедшее тесто добавляют разогретое сливочное масло, вновь вымешивают, подсыпая муку, и оставляют на 40 - 50 минут, чтобы тесто подошло. Затем тесто выкладывают на стол, посыпают мукой, нарезают на куски, которые раскатывают кружками толщиной 5 мм. В середину каждого кружка кладут начинку, состоящую из смеси толченого мака, сахара, рубленого изюма, кружки заворачивают, придавая им форму треугольника, и ставят для подъема в теплое место, затем смазывают яйцом и запекают в духовке. Запеченные треугольники в горячем состоянии обмакивают в растопленный мед.

Флуден

Мука 2 1/2 стакана, воды 1 1/4 стакана, масло сливочное 100 г, сахар 2 ст. ложки, яйцо 1 шт., дрожжи 5 г, соль 1 ч. ложка.

Начинка: варенье 200 г, орехи грецкие очищенные 100 г, сахар 2 ст. ложки, корица 1 г.

Тесто, приготовленное как для һоменташей, разделяют на две части. Каждую часть раскатывают толщиной 1 см. Один слой теста кладут на смазанный маслом противень, на поверхность ровным слоем наносят варенье, покрывают вторым слоем теста и, зашемив кругом края, ставят для подъема в теплое место. Затем смазывают яйцом, посыпают смесью толченых орехов, сахара и корицы и запекают в духовке. Готовый флуден нарезают на куски в форме четырехугольника.

Тербиндер флуден

Мука 2 1/2 стакана, масло сливочное 150 г, сахарная пудра 125 г, яйцо 1 1/2 шт., мармелад 400 г, ванилин 0,1 г. Сливочное масло растирают с яйцами, сахарной пудрой и ванилином, добавляя муку, и замешивают тесто. Из теста разделяют батончики, которые нарезают небольшими кусочками. Лист с бортами застилают бумагой, укладывают на него нарезанные кусочки теста, слой мармелада, сверху снова кладут кусочки теста, слой мармелада и т.д. Верхний слой должен быть из теста.

Выпекают при температуре 180-200, пока зарумянятся. Затем нарезают отдельными ломтиками, которые посыпают сахарной пудрой.

ПРИЯТНОГО АППЕТИТА!

Издатель: Петрозаводская еврейская религиозная община
185035 г. Петрозаводск, а/я 360,
тел. (814-2) 78-39-38 e-mail: talit@karelia.ru

Редакторы:
Давид Генделев
Дмитрий Цвибель

Компьютерный набор, верстка и офсетная печать выполнены фирмой "Принт", 185001, Петрозаводск, пр. Первомайский, 1, тел. 78-20-18, факс 78-12-26
Тираж 300 экз.

МАЗЛ ТОВ И ДО СТА ДВАДЦАТИ!

**СЕРДЦЕ ГЛУПЦОВ -
В ИХ УСТАХ,
НО УСТА МУДРЕЦА -
В СЕРДЦЕ ЕГО.**

Бен Сира, 28:24

**ХЭСЭД АГАМИМ
ПОЗДРАВЛЯЕТ С ЮБИЛЕЕМ**

СУНИ
Марину Абрамовну
ФИАЛКОВУ
Валентину Андреевну
ШТЕЙН
Раису Хаймовну
ЛАКА
Гарри Цалеловича
БАРА
Владимира Григорьевича